

В той же чайной комнате Университета А, за закрытой дверью, царил густой пар и разливался аромат чая. В сравнении с ледяным, заснеженным миром за окном, здесь было тепло и тихо.

Гэн Ань собственноручно налил чашку чая и осторожно поставил её перед Цзян Чжэн.

В свои тридцать с небольшим она оставалась женщиной с яркой внешностью и утончённым нравом, выглядевшей почти так же, как в двадцать лет. Она прекрасно сохранила фигуру, а платье с белым поясом лишь подчёркивало тонкую талию.

Цзян Чжэн протянула руку, изящно взяла чашку и, поднеся к губам, сделала маленький глоток. Чай оказался обжигающе горячим, и женщина, едва заметно вздрогнув, тут же поставила его на стол.

Она потёрла тыльную сторону ладони и улыбнулась Гэн Аню и незнакомому ей Ли Жуну. Собеседница прекрасно выглядела, её макияж был безупречен, но кожа на руках всё же выдавала возраст. Она больше не была той беззаботной и жизнерадостной студенткой.

Гэн Ань и Ли Жун обменялись взглядами, после чего первый с улыбкой представил своего спутника:

— Это мой друг. У него как раз есть родственник за границей, работающий частным детективом. Он и помог всё выяснить.

Ли Жун кивнул Цзян Чжэн, и та ответила ему ещё одной натянутой улыбкой. Губы её дрогнули в сдержанном жесте, будто она боялась, что чрезмерная мимика выдаст морщинки в уголках глаз, и оттого веселье никогда не достигало взгляда. А возможно, ей просто совсем не хотелось улыбаться.

Изначально она хотела встретиться с Гэн Анем наедине, но тот сказал, что человек, нашедший доказательства, тоже придёт. Подумав, женщина решила, что лучше получить информацию из первых уст, и согласилась на присутствие Ли Жуна. Она представляла себе сотрудников Девятого района суровыми и крепкими мужчинами, но никак не ожидала увидеть кого-то вроде него.

При первом взгляде на юношу она даже на миг растерялась. Давно ей не встречались настолько красивые люди. С самого детства её осыпали комплиментами, слово «красивая» стало почти её синонимом, и в любой компании она неизменно оказывалась в центре внимания, затмевая всех вокруг. Но глядя на Ли Жуна, Цзян Чжэн ощутила укол зависти. Он был не просто красив — он был ещё и молод.

На вид ему можно было дать не больше, чем студенту университета, но она сомневалась, что у

Гэн Аня могут быть друзья-студенты, значит, он был старше.

«Какая досада, — подумала она, — даровать такую внешность мужчине — настоящее расточительство»

— Брат Гэн попросил меня помочь с этим делом. Поскольку оно касается руководства его ведомства, ему было неудобно... ну, вы понимаете. Но вы старые одноклассники, и он искренне за вас беспокоился. А у меня как раз нашлись нужные каналы, вот я и помог, — вежливо начал разговор Ли Жун.

Цзян Чжэн глубоко вздохнула. Её пальцы нервно сжались. Хотя лицо оставалось спокойным, эти мелкие движения выдавали внутреннее напряжение.

— Вы уверены в подлинности этих материалов?

На самом деле, увидев неопровержимые фотографии и видеозаписи, она уже всё поняла. Но какие-то несбыточные фантазии всё ещё туманили её разум, заставляя жаждать иного ответа.

После того как жених отверг её, Цзян Чжэн погрузилась в сомнения. Она винила себя, думая, что постарела и утратила привлекательность, искала свои ошибки, не понимая, почему судьба так жестока. Именно в этот момент в её жизни снова появился Хань Ин. Их пути не пересекались много лет, но возвращение первой любви согрело остывшее сердце.

Она всё глубже тонула в страсти, которую дарил ей Хань Ин, словно вернувшись в прошлое — в огромный университетский кампус, в годы своей гордости и расцвета. Воспоминания, подёрнутые дымкой ностальгии, казались ей прекрасными.

Когда Хань Ин сказал, что собирается приехать на родину, сердце женщины забилося в предвкушении. Но годы, проведённые в обществе, научили её осторожности. Несмотря на охватившее смятение, она сохраняла остатки здравого смысла. Хань Ин так долго был в отъезде, и она совершенно ничего не знала о его нынешней жизни.

Она видела достаточно новостей о том, как меняются люди и как их обманывают те, кому они доверяли. Чтобы защитить себя, Цзян Чжэн, пересилив себя, обратилась к Гэн Аню. Тот работал в Девятом районе и был единственным, кто мог что-то узнать о Хань Ине. Хотя она не хотела делиться личным, после долгих раздумий всё же решила довериться ему.

К её удивлению, Гэн Ань отнёсся к просьбе с большим участием и терпением. Он прямо сказал, что не может вести расследование в отношении своего начальства, но готов найти кого-то, кто сможет помочь.

И вот, месяц спустя, перед ней лежал результат.

Хань Ин не разводился. Он женился на иностранке, чтобы получить грин-карту, и у них было двое детей-метисов. Они жили в небольшом особняке, вполне благополучно. Со стороны их семья казалась образцом счастья и достатка.

Однако жена была его начальницей, и Хань Ин во многом от неё зависел.

Зная его гордый, порой даже высокомерный характер, Цзян Чжэн понимала, что такой человек не сможет долго мириться с тем, что им управляет супруга. Он мог терпеть какое-то время, но со временем даже самые сильные чувства угаснут.

Мужчина знал, что его отец — влиятельный человек. До отъезда за границу все вокруг говорили о могуществе его родителя, и он, пользуясь положением Хань Цзяна, вёл себя как хотел. Но за границей никто не знал ни о Девятом районе Ланьшу, ни о том, кто такой Хань Цзян.

Ему пришлось полагаться только на себя. Никто больше не потакал ему и не носился с ним.

Хань Ин решил, что его рай — на родине, и потому твёрдо вознамерился вернуться, а заодно и связался с Цзян Чжэн.

— Всё, что удалось выяснить, здесь, — веско произнёс Ли Жун. — Согласно этим данным, они действительно живут вместе и состоят в браке. У них есть общий семейный счёт для покрытия расходов на жизнь и обучение детей. Двое их детей учатся в частной элитной школе и редко бывают дома, так что большую часть времени супруги проводят вдвоём.

Губы Цзян Чжэн задрожали. Каждое слово Ли Жуна вонзалось ей в сердце, безжалостно разрушая последние иллюзии. В её возрасте уже не бывает чистой и непорочной любви. Всё, что ей доставалось, — это обман, утаивание и использование.

Ей отчаянно хотелось влепить Хань Ину несколько пощёчин, но в присутствии Ли Жуна и Гэн Аня она должна была сохранять достоинство.

— Понятно, спасибо.

Слова благодарности прозвучали сухо и отчуждённо. В этот миг её обида и гнев на Хань Ина достигли предела. Любовь и ненависть разделяет лишь мгновение. Достигнув своего пика, любовь, перешагнув некую черту, обращается в ледяную ненависть и отвращение, словно вся прошлая красота исчезает без следа, а воспоминания, некогда подёрнутые романтической дымкой, покрываются слоем пыли.

Ли Жун заметил едва уловимое изменение в её лице. Он опустил глаза и сделал глоток чая, а под столом легонько коснулся колена Гэн Аня.

Тот тут же со вздохом произнёс:

— Старая подруга, не в обиду будет сказано, но я ещё тогда считал этого Хань Ина ненадёжным. Помнишь, сколько парней за тобой в нашем классе бегало, а ты ни на кого и не смотрела. И кто бы мог подумать, что почти перед самым выпуском тебя охмурит какой-то первокурсник.

Его слова были тщательно подобраны: сначала он напомнил Цзян Чжэн о её былой неотразимости, а затем свалил всю вину на ненадёжность Хань Ина, полностью встав на её сторону.

Ей и так было тяжело, нужно было выговориться, но присутствие Ли Жуна заставляло сдерживаться. Она собиралась держать себя в руках до конца встречи, но одна фраза Гэн Аня заставила её глаза наполниться слезами.

Да, сколько же у неё было поклонников. Многие из её тогдашних одноклассников стали успешными людьми в разных сферах. Те, на кого она тогда не обращала внимания или смотрела свысока, теперь жили лучше неё.

Цзян Чжэн отчаянно нуждалась в том, чтобы выплеснуть эти эмоции.

— Это я была тогда глупа, поверила его красивым словам, — горько усмехнулась она и, отвернувшись, незаметно смахнула слезу.

Но дело было не только в её тогдашней глупости. Она и сейчас поддалась чарам бывшего возлюбленного.

Впрочем, теперь, зная, что будущего у них нет, женщина могла уже ничего не скрывать.

Ли Жун, опустив голову, старался быть как можно незаметнее, даже дышал почти неслышно.

Гэн Ань подлил собеседнице чая и мягко сказал:

— А ведь... если бы вы поженились после выпуска, было бы хорошо. Мы все тогда думали, что нашу богиню вот-вот уведут. Кто же знал, что он уедет за границу.

На самом деле, никто так не думал. Многие даже ждали, когда они расстанутся. Кто поверит клятвам в любви от первокурсника? Это было бы глупо. Будущее слишком непредсказуемо, и от выбора самого человека зависит очень мало.

Цзян Чжэн покачала головой и тихо фыркнула.

Лишь в университете она была настолько наивна, что хвасталась подругам Хань Ином. Повзрослев, она никогда больше не упоминала о тех временах. Но сейчас, когда разговор зашёл об этом, Цзян Чжэн, понимая, что не стоит этого делать, не могла сдержать желания выговориться. К тому же Гэн Ань, рискуя навлечь на себя неприятности, помог ей, и она была ему благодарна, а потому ослабила бдительность.

— Тогда... тогда ему пришлось уехать. Но он сказал мне, что это временно, что я должна подать документы в аспирантуру за границей, и мы снова будем вместе. Но...

Цзян Чжэн умолкла.

Веки Ли Жуна дрогнули, пальцы его легко коснулись диктофона в кармане. Он знал, что она наконец-то подошла к главному.

Гэн Ань сглотнул, тоже ощущая напряжение. Хоть они и строили разные догадки о причине расставания пары, только сейчас у них появился шанс услышать правду из первых уст.

Мужчина осторожно подвёл её к нужному руслу:

— Да, ты ведь могла поступить за границу. Я помню, у тебя были отличные оценки по иностранному языку. Почему ты не подала документы?

Цзян Чжэн достала из сумочки салфетку и промокнула уголки глаз. Голос её дрогнул от подступивших слёз:

— Потому что они не позволили мне уехать. Они запретили мне снова связываться с Хань Ином и заставили удалить всю нашу переписку и историю звонков, угрожая не выдать диплом. Я даже не знала его адреса и контактов за границей, а он... он больше не пытался меня найти.

Гэн Ань был потрясён.

В то время они как раз готовились к выпуску, все были поглощены дипломными работами, и потому эта сплетня не получила широкого распространения. Но он и подумать не мог, что Цзян Чжэн подверглась такому давлению. Университет А всегда гордился принципами справедливости и уважения, многие СМИ ставили его в пример другим вузам, расхваливая его передовые методы обучения. Поэтому даже они, студенты, верили, что учатся в лучшем месте, получают лучшее образование, что в этих стенах они обрели достоинство и свободу. Это было их гордостью.

Оказалось, всё это лишь потому, что беда не коснулась их лично.

От потрясения голос Гэн Аня стал хриплым:

— Они... это кто?

Цзян Чжэн подняла глаза, в которых снова заблестели слёзы. Даже плача, она была прекрасна и вызывала сострадание.

— Хань Цзян. И Чжан Чжаохэ.

<http://bllate.org/book/15351/1504603>